

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

И. Г. ДОБРДОМОВ

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БУЛГАРИЗМОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В популярных пособиях по русской лексикологии утвердилась точка зрения, согласно которой во всех тюркизмах русского языка ударение приходится на последний слог. Эта характеристика в основном правильна, но она не учитывает того обстоятельства, что ударение в косвенных падежах может отличаться от ударения в именительном падеже, а также изменяться в процессе эволюции этого слова в заимствующем языке.

Дифференцированно о месте ударения в тюркизмах писал В. А. Богородицкий, отмечавший, «что в словах муж. рода в И. ед. оно падает на конечный (суффиксальный) слог, а в косвенных падежах обычно переходит на окончание, кроме слов с суффиксом *ан*, где оно обычно сохраняется на суффиксальном слоге, срв. башлык—башлыкá, но аркан—аркáна»¹.

Это положение В. А. Богородицкого было уточнено и конкретизировано Н. К. Дмитриевым². Н. К. Дмитриев сделал интересную попытку связать перенос ударения на окончание в косвенных падежах у существительных мужского рода с хронологией заимствования этих слов: перенос якобы наблюдается в более старых заимствованиях, глубже вросших в русский словарный фонд под влиянием и по аналогии с русскими словами. Н. К. Дмитриев главное внимание уделил характеристике ударения в тюркизмах в соответствии с нормами русского языка 1940—1941 годов, нашедшими отражение в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, оговорив местные отклонения в ударении в отдельных словах.

А. В. Суперанская рассмотрела вопросы ударения с точки зрения культуры речи³. Ее книга-справочник базируется на акцентологической картотеке Института русского языка Академии наук СССР, материалы которой комментируются А. В. Суперанской без учета ударения в языке-источнике. Автор основной упор делает на так называемые финали (почему-то названные ею «морфонологическими») — конечные звуковые комплексы, играющие определенную роль в изменении ударения по аналогии. В книге использован текстовый материал XIX—XX веков, до-

¹ В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Изд. 3-е. Казань, 1911, стр. 491; изд. 5-е. М.—Л., 1935, стр. 352 (ср. однако *кабан—кабанá, чабан—чабанá*).

² См.: Н. К. Дмитриев. Ударение в русских словах тюркского происхождения. — «Сборник статей по языкознанию, посвященный памяти М. В. Сергиевского». М., 1961, стр. 96—104.

³ А. В. Суперанская. Ударение в заимствованных словах в современном русском языке. М., 1968.

полненный сведениями об ударениях, взятыми из русских словарей XVIII века (вернее из справочной части семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка», хотя ссылки сделаны непосредственно на источники этого словаря). Из-за малой хронологической глубины и довольствования только одними литературными примерами, а также в связи с неучетом акцентной парадигмы (автор рассматривает лишь ударение именительного падежа) книга А. В. Сулеранской не предвещает большого интереса для историка языка.

В статье В. В. Колесова «Ударение заимствованных слов в русских памятниках XVI—XVII вв. (К вопросу об акцентологической адаптации заимствованной лексики)»⁴ тюркизмы вместе с другими заимствованными словами разбираются с точки зрения их акцентуации. Статья содержит ценный фактический материал, соотносимый с современным русским языком. Однако автор также исходит из распространенной точки зрения об обязательности в тюркских по происхождению словах конечного ударения.

Вопрос об ударении в тюркских языках довольно сложен, ему посвящена обширная литература, обстоятельный обзор которой сделан М. Рясняном и А. М. Щербаком⁵. Поэтому останавливаться на характеристике тюркского ударения мы здесь не будем. В данной статье рассматриваются просодические особенности древних болгарских заимствований в русском и в других славянских языках, позволяющие выявить некоторые черты акцентологии болгарских диалектов средневековья.

подавляющее большинство болгарских заимствований в тех славянских языках, где сохранилось старое нефиксированное славянское ударение, имеет, как и в русском языке, ударение на последнем слоге слова, что считается типичным и для тюркских языков. Для доказательства этого положения достаточно сослаться на литературу, содержащую более или менее обширные перечни слов, сопоставляемых по различным признакам с чувашско-болгарскими словами: в большинстве своем эти слова имеют ударение на последнем слоге⁶.

Таково, например, ударение в русском чувашизме *чигйт* 'круто посоленный творог, залитый впрок коровьим маслом', выявленном уже В. И. Далем (чувашск. *чăкăт* 'крестьянский сыр' представляет собой явный кыпчакизм).

Уже давно была отмечена одна любопытная особенность акцентуации чувашского языка (вошедшая в литературный язык из верхового наречия): при общем тяготении ударения к концу слова оно обычно не может падать на конечный или срединный редуцированный гласный и перемещается к началу слова на гласный полного образования, а в случае наличия в составе слова исключительно редуцированных гласных — ударение падает на первый (начальный) слог слова. Аналогичная кар-

⁴ «Русская историческая лексикология и лексикография», I. Л., 1972, стр. 28—45.

⁵ См.: М. Ряснян. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 33—46; А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 110—120; ср. также: У. Ш. Байчура. Характер ударения в мишарско-татарском диалекте. — «Вопросы языкознания», 1959, № 2, стр. 113—116.

⁶ Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша. Казань, 1902, стр. 111—114 (первичный материал для дальнейшего изучения); И. Г. Добродомов. Некоторые соображения о болгарском вкладе в славянских языках. — В сб.: «Проблемы русского языкознания» («Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», № 403). М., 1970, стр. 41—53; И. Т. Сергеев. Чувашизмы в русских говорах Поволжья. — «Диалекты и топонимия Поволжья (Материалы и сообщения)», вып. I. Чебоксары, 1972, стр. 63—69.

Отсутствие литературы при этимологиях означает, что автор приводит мнения, отраженные в русских этимологических словарях (в первую очередь у М. Р. Фасмера).

тина наблюдается и в ареально связанном с чувашским марийском языке⁷. Исторически чувашские редуцированные гласные *ё, ä* восходят к старым тюркским узким гласным *i, й, y, u*. В других тюркских языках аналогичные акцентологические явления не отмечены, так что перенос ударения с узкого (редуцированного) гласного на предшествующий слог можно даже считать признаком болгарско-чувашского происхождения соответствующего тюркизма.

Особенно показательно в этом отношении слово *во́йлок* (в др.-русс. также *воилукъ* 'чепрак' с XVI века), восходящее к болгарскому **вайлук* в соответствии с татарским **ойлык* (нигде в татарских словарях, однако, не отмеченным), однокорневым с древнетюркским дериватом от глагола *уй-* 'трамбовать, укладывать' (существительное *ойма, уйма* 'войлок, из которого делают обувь') (ДТС). Более древний облик русского слова сохранился в некоторых прибалтийскофинских языках, куда слово попало из русского языка: восточнофинск. *voiluke, voilukka* 'войлочная подушка под хомутом', карельск. *voilukka*, олонецк. *voilukku* 'войлок', эстонск. *voilok* (корень *voiloki*), *voilokas* 'грубый войлок', хотя это и сравнительно позднее заимствование⁸. Ср. также литовское *wailokas* 'подушка, чепрак'. Начальный согласный русского *во́йлок* в соответствии с вокалическим началом древнетюркского глагола *уй-* вместе с ударением на первом слоге свидетельствуют о болгарском происхождении слова.

Таково же ударение в другом болгаризме русского языка *би́сер* (из более древнего *бисьръ*, как указывают на то данные старославянского языка). М. Р. Фасмер считает это слово в русском языке старославянизмом, что справедливо только по отношению к значению «жемчуг»⁹, в котором оно употреблялось в древнерусской письменности, а сейчас входит в состав библейского фразеологизма «метать бисер пред свиньями», однако по отношению к другому значению «стеклянные мелкие бусинки» требуются дополнительные разыскания. Источником для славянского *бисьръ* послужила болгарская форма **бѹ:сѹр, *бѹ:сир* (она восходит к арабскому *بِسْر* — *busr*), из которой также выводится *мѹсор, бѹсорь, бѹсыр, бѹсырь* 'хлам, барахло, старье'¹⁰. Отнесение огласовки то к переднему (*бисер*), то к заднему (*мусор*) ряду объясняется различной интерпретацией тюркского гласного *й*, чуждого славянам. Сюда же примыкает и слово *бусы*, в котором конечный *-р* отпал еще на тюркской почве, возможно, уже при заимствовании арабского *بِسْر* — *busr*, ибо сочетание двух согласных в конце слова тюркским языкам несвойственно. Конечный *-р* мог отпасть и позже, о чем свидетельствуют варианты слова *бусинка* в русских говорах: *бѹсерка, бусирѹнка*¹¹. Ср. также с метатезой *бѹрсы* 'бусы'¹². Выпадение звука *-р* отмечается также в южно-

⁷ Б. А. Серебрянников. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968, стр. 14—15. Впрочем, низовому наречию чувашского языка такая особенность ударения несвойственна: там ударение прочно закреплено за конечным слогом слова, независимо от качества гласного.

⁸ J. J. Mikkola. *Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen sprachen*. Helsingfors, 1894 (-MSFOu, VIII), стр. 37, 102.

⁹ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 170.

¹⁰ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964, стр. 252; т. III. М., 1971, стр. 17 (дополнение О. Н. Трубачева); ср.: А. С. Львов. Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы). — «Славянское языкознание», VII международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973, стр. 212—214; М. Рачева. К этимологии слова *бисер*. — «Советская тюркология», 1978, № 1, стр. 78—84.

¹¹ См.: «Словарь русских народных говоров», вып. 3. Л., 1968, стр. 304.

¹² Там же, стр. 298.

славянском болгаризме *ковчег*, сопоставляемом с венгерским *kovorsó* 'гроб', выводимым из болгарского источника, соотносимого с древнетюркским *қабырчақ* 'ящик, сундук, гроб'. Ср. также форму *бузы* с непонятным озвончением в калужских и московских говорах, а также брянское *бузóчек* 'бусы'¹³.

Своеобразие ударения слова *товáрищ* (русск.), белорусск. *тава́рыш*, укр. *товáриш*, др.-русск. *товáрищ* (ср. XIV в.), позже также *товáрыщ*; с.-хорв. устар. *товариш* (чак.), *товаруш* (кайк.) *socius*; словенск. *tovàriš*, устар. *tovâriš*, чешск. *tovaryš*, стар. *tovariš*; словацк. *tovariš*, польск. *towarzysz*, в.-луж. *towarš*, н.-луж. *towariš* позволяет видеть в этом слове отражение болгарского источника, где ударение с конечного узкого гласного оттянулось к началу слова¹⁴. Правда, наличие конечного согласного *-ш*, *-щ* (последний только в русском языке) в славянских словах, как и в венгерском *társ* 'товарищ, однокашник, партнер', вместо ожидаемого болгарского *-л*, заставляет пока оставить вопрос о происхождении этого слова открытым, несмотря на чув. *йиш* 'численность, совокупность; хозяин подобный, близкий'¹⁵. Ср. также рум. *tovăgaș*.

Впрочем, особенности ударения этого слова можно объяснить sporadически наблюдающимся в русских тюркизмах (сложных словах) переносом ударения с конечного компонента. Ср. *кара́куль*.

В связи с болгарским переносом ударения с конечного узкого гласного не вызывает удивления существование постоянного ударения на первом слоге в слове *ку́миръ* в старорусских акцентуированных памятниках¹⁶, совпадающее с сербско-хорватским *кѹмѣр*, но отличающееся от болгарского *кумѣр*, которое, вероятно, восходит к одному из болгарских диалектов, где ударение с конечного узкого гласного не переносилось. Болгарское происхождение слова *кумиръ* убедительно аргументировано А. С. Львовым¹⁷, и начальное ударение в этом слове еще не говорит в пользу единодушно отвергаемой учеными финно-угорской этимологии. Правда, при анализе акцентологии слова *кумир* следует учитывать, что в русский язык оно попало через старославянский язык, и ударение в нем связано поочередно с сербской и болгарской традицией.

Сложные колебания ударения обнаруживаются в истории слова *книгоцѣй* (форма, фактически употребительная в современном русском языке, при рекомендуемой орфографическим словарем искусственной книжной форме *книгоцѣй*), которое зафиксировано также с ударением, перенесенным с редуцированных гласных на гласный полного образования — *кни́гчий*, а также в книжной по своему употреблению форме

¹³ «Словарь русских народных говоров», стр. 258—259.

¹⁴ Ср.: С. Отн. До этимології слова *товариш*. — Журн. «Мовознавство», Київ, 1969, № 5, стр. 58—62.

¹⁵ См.: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 83—84.

¹⁶ В. В. Колесов. Ударение заимствованных слов в русских памятниках XVI—XVII вв. — «Русская историческая лексикология и лексикография», I. Л., 1972, стр. 31.

¹⁷ А. С. Львов. Значение чувашского языка в определении этимологии некоторых слов старославянского языка. — «Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXVIII. Чебоксары, 1965, стр. 51—53; *его же*. Из лексикологических наблюдений. — «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 189—193. Написание *кумѣр* в Коломенской Палее 1406 было объяснено уже А. И. Соболевским («Лекции по истории русского языка», 4-е изд. М., 1907, стр. 85) как гиперизм в говорах, смешивающих *ѣ* и *и*. Ср.: А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, стр. 54; *его же*. Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. Л., 1973, стр. 11. Ср. теперь: Вяч. Вс. Иванов. Урартск. *marī*, хуррит. *marianne*, хайасск. *Marija*. — «Переднеазиатский сборник, III. История и филология стран Древнего Востока» М., 1979, стр. 111. Легший в основу славянского *кумиръ* этноним *киммерийцы* связывается здесь с хеттским *gimra* 'степь', лувийским *imra*.

книгбчий (ударение перенесено с конечного редуцированного слога на предпоследний). История ударения в этом слове требует дополнительных разысканий, учета особенностей его фонетической структуры в языке-источнике и в русском языке¹⁸.

Казанское русское *тоярмыка* 'чувашиская пляска, собственно сваха', выводимое М. Рясняном, вслед за В. И. Далем, из чувашского языка, по характеру ударения основы (если отбросить русский словообразовательный аффикс *-ка*) должно быть причислено к заимствованиям из верхового наречия. В пользу этого говорит также огласовка *о* в соответствии с *у* низового диалекта. То же можно сказать и о словах *сьюкур*, *сьюкуры* симбирск. 'мордовские лепешки, сверху с кашей и с творогом; шанги, ватрушки', *сюкур* казанск. (из чувашск.) 'хлеб', отмеченных у В. И. Даля (IV, 382—383). О происхождении русских и мордовских слов от слов верховых чувашских говоров свидетельствует не только перенос ударения к началу слова с редуцированных гласных, но и лабиализация редуцированных, характерная для верхового наречия чувашского языка. Но казанское *сьюв* (мн. число *сьювы*) 'кладбище инородцев, мазарки', которое и в чувашском первоисточнике *çăв* 'кладбище', сохраняет устойчивое ударение на конечном гласном полного образования, может быть отнесено к верховому наречию лишь в связи с лабиализованностью редуцированного гласного, что низовому наречию чувашского языка несвойственно¹⁹.

Волжский русский диалектизм *чыбык* 'удилище на блесну, долгое и крепкое' В. И. Даль выводил из татарского *чубукъ*, а М. Р. Фасмер из турецкого, крымско-татарского, уйгурского, алтайского и казанско-татарского *чыбык* 'прут, тонкая палочка', из которых по географическим соображениям подходит лишь казанско-татарское многозначное *чыбык*. Однако акцентуация русского слова заставляет в поисках источника обратиться к верховому наречию чувашского языка, где имеется слово *чыпак* 'чубук, прут', представляющее собой в свою очередь заимствование из татарского (в связи с *ч-*, в соответствии с которым в чувашском ожидался бы **ç-*). Более архаичный облик тюркского слова представлен в русском *чубук* 'полый стержень курительной трубки; черенок винограда для посадки', где русский язык усилил слабую лабиализацию гласного *ы* в соседстве с губным *б* и сохранил типичное тюркское ударение на конечном слоге.

На основании акцентологических данных следует признать болгаризм название растения *таволга* при гетерогенности его акцентологического варианта *таволга*, *тавлага*²⁰. Причем это заимствование из-за огласовки *-а-* в первом слоге следует считать довольно древним, ибо прилагательное *туволжаний*, отмеченное у И. И. Срезневского с конца XVI века, уже отражает переход болгарского *а* в первом слоге в *у*; следовательно, заимствование формы *таволга* имело место ранее. Необходимо учесть, что русское *таволга* восходит к иному болгарскому диалекту, нежели чувашское *тупълха*, вытеснившее из употребления исконные татарскую и башкирскую формы, замененные теперь чувашизмом *тубылгы* при форме *табылжу*, *тавылжу*, *тавылгуч* в древнетюркской письменности (ДТС).

¹⁸ Об истории этого слова см.: В. В. Лопатин и Б. С. Шварцкопф. Книгбчий — книгочей. — «Русская речь». М., 1963, № 2, стр. 86—91.

¹⁹ М. Räsänen. Der Wolga-bogarische Einfluss im Westen im Lichte der Wortgeschichte. — «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XXIX, стр. 199.

²⁰ А. В. Суперанская в работе «Ударение в заимствованных словах в современном русском языке» (стр. 171) отсылает к русским диалектам, но материала диалектов не приводит.

Любопытно «сокращенное» слово *волж́анка* от *таволж́анка*, образованное, вероятно, от небулгарской формы *таволгá*.

Высказанное М. Рясняном предположение о чувашско-булгарском посредстве в заимствовании из иранского (персидского) источника названия бахчевой культуры *арбу́з*²¹ не нашло поддержки у составителей этимологических словарей русского языка, хотя возможность такой этимологии подтверждает просторечный акцентологический дублет *áрбуз*, ударение которого не получает иного объяснения. В свою очередь современное чувашское слово *арбуз*, как показывает его орфография, обязано своей формой обратному влиянию русского языка. Форма *арбу́з* удачно объяснена Н. К. Дмитриевым как заимствование из диалекта типа касимовско-татарского, где заднеязычные согласные заменяются гортанной смычкой²².

Расхождение в ударении между русским *атама́н* и украинским *ота́ман* (устар. также *ата́ман*), а также колебание в старорусском *ата́манъ* и русском диалектном *вата́манъ*²³ — очень старое явление и обусловлено проникинанием разных форм из различных тюркских источников: в их основу легли болгарское **вата́ман* (<**ватагман*) и форма **ота́ман* (<**отагман*) прочих тюркских языков, где внутри слова имелась заместительная долгота гласного, воспринимаемая как ударение. Русские формы с обычным для тюркизма конечным ударением, возможно, отражают сокращение долготы. Форма *атаман* (из более старой *ватаманъ*) возникла в результате переразложения и отнесения начального согласного *в-* к предлогу²⁴.

Генуинная этимология почти общеславянского названия творага [русс. *тваро́г*, *тво́рог*, укр. *тварі́г* (есть у Фасмера, отсутствует у Гринченка), белорусск. *тво́раг*, *тваро́г*; болг. *тваро́г*, чешск., словацк. *tvaroh*, польск. *twaóg*, в.-луж. *twaoh*, н.-луж. *twaog*] от корня *твор-ити* с помощью сомнительного славянского суффикса *-огъ*, который не может быть охарактеризован как живой и ясный словообразовательный элемент (В. Махек), весьма уязвима, и поэтому предположение о тюркском происхождении славянского слова гораздо лучше объясняет неустойчивость огласовки, столь характерную для заимствований, особенно если за основу сравнения брать не чагатайскую форму *турақ* (? *торақ*), обычно привлекаемую этимологами, а ее болгарско-чувашское соответствие **түвāраг* со следами дифтонгической передачи долготы гласного в первом слоге, отраженной в венгерском болгаризме *túró* как обычная долгота²⁵. Колебания ударения *тво́рог* аналогичны колебаниям ударения в восточнославянском *ата́ман*, где с конечного слога ударение оттягивалось на долгий гласный внутри слога: **ватагман* > **вата́ман*, но есть также и случаи закономерного тюркского ударения на конечном кратком слоге. Ср. *бато́г*, *сапо́г*.

Рефлекс тюркского *j-* в виде непалатализованного *s-* отражается в общеславянском болгаризме — славянском названии сыворотки: русск. *сы́воротка*, белорусск. *сыро́ватка*, укр. *сиро́ватка*, болг. *сировáтка*,

²¹ М. Räsänen. Der Wolga-bolgarische Einfluss., стр. 195.

²² Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», вып. III. М., 1958, стр. 16.

²³ В. В. Колесов. Указ. раб., стр. 39.

²⁴ И. Г. Добродомов. Атаман и гетман. — «Русская речь», 1972, № 5, стр. 110—114. Вторичность русской формы *атаман* (из *ватаманъ*) не учел Э. В. Севортян, см.: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 202.

²⁵ G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. III. Wiesbaden, 1967, стр. 210—211, считает тюркское слово индоевропейским заимствованием, а славянское — генуинным.

с.-хорв. *сърутка*, словенск. *sirotka*, чешск. *syrovátka*, словацк. *srvátka*, польск. *serwatka*, в.-луж. *syг(о)watka*, н.-луж. *s(e)rowatka*, *s(e)rowizń* — причем для всех этих форм невозможно установить общую праформу. Зато все эти слова объяснимы как народноэтимологические переосмысления болгарской формы **сѹварат*, соотносимой с тюркскими названиями кислого молока типа: якутск. *суорат*, киргизск. *жуурат* и т. п.²⁶ Русский сибирский диалектизм *сорá* 'якутское кислое коровье масло' отражает якутскую фонетику, а в кавказском диалектизме *чурт* (у ногаев) 'род варенца, кипяченое молоко с закваской', возможно, скрывается форма другого болгарского диалекта, откуда попало во многие языки название верхней одежды *чуха*, если здесь нет субституции *дж->ч-* в силу отсутствия звонкой аффрикаты *дж-* в русском языке. Ср. также *югурт*, *яурт* и т. п. с тюркским *j-* в анлауте.

Предположение о болгарском источнике славянского названия *сыворотки* также помогает объяснить чрезвычайно разнообразную акцентуацию этого слова в современных славянских языках. Русская форма *сы́воротка* отражает ударение на первой части дифтонга в соответствии со словенским *sirotka*. В преобразованных под влиянием народноэтимологического сближения со словом *сыр* белорусской форме *сырóватка* и украинской *сирóватка* (из **сывóротка*) отражено ударение на второй части дифтонга, аналогичное ударению в уже рассмотренном слове *тврoг*. Также подвергшееся народноэтимологическому преобразованию сближение с прилагательным *сурóв* 'сырой, суровый' болгарское *сурoвáтка* сохранило, однако, типичное для тюркских языков конечное ударение в производящей основе. Сербскохорватское *сърутка* своей формой и акцентуацией воспроизводит венгерский первоисточник *szigutyka* (диал.), восходящий к другому болгарскому прототипу, аналогичному *югурт*, *югурт*.

Не вполне ясно происхождение областного (?) акцентологического варианта *чáкан*, отмеченного в «Опыте областного великорусского словаря» (1852 г.) и у В. И. Даля, в противоположность считающемуся литературным варианту *чакáн*, который, по данным семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» (т. 17, стбб. 752), фиксируется, начиная с «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» (1858 г.), даже нормативными словарями. В связи с этим непонятно игнорирование нормативной акцентовки этого слова В. А. Меркуловой²⁷, хотя автор использовала также источники, приводящие это слово с ударением *чакáн*. Вполне возможно, что ударение *чáкан* связано с долготой первого слога в болгарском источнике, на которую указывают алтайское *двеекен* 'камыш' и венгерское *gyékény* 'рогожа, циновка' (долгота второго слога в венгерском слове обусловлена его позицией перед *-ny*, в которой продлеваются и другие гласные).

Долготой гласного в первом слоге болгарского топонима *Сурoжь* в Крыму (<**Сурáг+йь*, соотносимого с *Сурáг*> *Судак*) хорошо объясняется наличие ударения на начальном слоге слова, что обычно ускользало от внимания исследователей. *Сурáж* Брянской области, преобразованный в город из деревни *Сурáжичи*, имеет другое происхождение,

²⁶ Иные тюркские формы и их этимология рассмотрены в статье: И. Г. Добродомов. Новая одежда старых слов. — «Русская речь», 1972, № 2, стр. 67—70; здесь же и об отражении этих слов на русской почве. Ср. также: И. Г. Добродомов. К вопросу о венгерском *sz-*, соответствующем тюркскому *j-*, в старых болгаризмах. — «Тюркологические исследования». М., 1976, стр. 112—125.

²⁷ См.: В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 54.

убедительно раскрытое О. Н. Трубачевым как восходящее к личному имени **Сурадъ*²⁸. Возможна также праформа **Суразъ*.

В довольно многочисленной группе тюркизмов ударение изменило свое место из-за присоединения к ним безударного славянского окончания *-а*, характерного для существительных женского рода, причем это окончание, как и окончания других падежей, обычно остается безударным: постоянное ударение падает на последний слог основы. Исключение представлено двумя словами — болгаризмом *дрѳа́* (форма *дрѳа*, впрочем, тоже известна, но литературные нормативные справочники ее осуждают) и также не стабилизировавшим окончательно место ударения и родовую принадлежность тюркизмом *кобѳра́*, *кубѳра*, *кобѳр*.

Устойчивое ударение перед окончанием сохраняется у болгаризмов *бра́га*, *ватáга*²⁹ (по этому же образцу оформилось семантически близкое кавказское *кача́га* 'шайка разбойников; разбойничий набег, наезд'), *юра́га*³⁰. В случае признания тюркской этимологии для слова *корчага* (из более старой формы *кърчага*; наряду с *кърчагъ*, как показывают южнославянские формы), его следует зачислить в этот же акцентологический класс и вместе с венгерским *korsó* выводить из болгарского **курчаг* в соответствии с хакасским *хар(а)чак* 'ящик'³¹.

Таково же ударение болгаризмов *книга*³² и *коврига*. Последнее слово обнаруживает типичное для болгаризма передвижение вокализма в задний ряд: *e > a >* (на славянской почве) *o*. Не вполне ясно передвижение вокализма *e—e > a—u*, прямо противоположное наблюдающемуся в поволжских тюркских языках (татар, башкир): *e—e > u—ä*. Впрочем, не исключается и другой предполагаемый болгарский источник, помимо **кăвриг*, соответствующий турецкому *геврек* 'сухарь'. В частности можно думать о производном от глагола *гевир-* 'жевать' (Räsänen. Versuch, 244). Изучение этимологии этого интересного и загадочного слова следует продолжить³³.

Южнославянское *верига* (у восточных славян это книжное слово), обычно толкуемое как исконное в связи с севернорусскими диалектизмами, на основании географического критерия должно быть изолировано от русских диалектизмов и выведено из дунайскобългарского **вериг*

²⁸ См.: О. Н. Трубачев. Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії. — Журн. «Мовознавство», Київ, 1971, № 6, стр. 16.

²⁹ И. Г. Добродомов. Атаман и гетман, стр. 111—112. Однако при заимствовании русского слова литовским языком ударение в слове *бра́га* оказалось на конечном слоге: *bragà* 'барда'. Возможно, на конечное ударение указывает также обратное заимствование в чувашский язык *пáрага*, *пра́га* 'барда, дробина', которое при ударении *бра́га* скорее всего дало бы **пара́га*, но последняя форма чувашскому языку, кажется, неизвестна. В. В. Колесов отмечает также форму *борáга* в одном лечебнике XVII века (г. Шуя) (См.: В. В. Колесов. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972, стр. 18).

³⁰ О. Н. Трубачев. Об этимологическом словаре русского языка. — «Вопросы языкознания», 1960, № 3, стр. 66.

³¹ О. Н. Трубачев предложил оригинальную исконную этимологию на основании принимаемого за архаизм украинского *корчага* 'сосуд с узким горлом для водки' от **къркъ* 'горло' + суффикс *-(*й*)ага. (См.: О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 214—217). Ср. также: В. М. Мокшенок. К этимологии слов *боцага*, *мочага*, *корчага*. — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. VII. М., 1972, стр. 147—155.

³² И. Г. Добродомов. Книга. — «Русская речь», 1971, № 5, стр. 83—91; А. С. Львов. Этимология старославянского *книги-книгъчи*. — «Балканско езиковедие», XV, 2. София, 1971, стр. 21—31; I. G. Dobrodotov. Słowiańskie nazwy książki. — «Studia o książce», t. 5. Wrocław, 1975, стр. 53—63.

³³ А. С. Львов. Из лексикологических наблюдений. — «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 153—158.

в соответствии с турецким диалектным *ögük, ögk* 'веревка для привязывания животного на пастбище'³⁴. Акцентология такому этимологизированию также не противоречит.

Аналогичными причинами объясняется и место ударения в довольно старом заимствовании *телёга*, удачную этимологию которого разработал К. Г. Менгес³⁵; конечное ударение в языке-источнике позволяет видеть в этом слове именно тюркизм, а не монголизм. Южнославянская форма *талига* (болгарск., сербск. *талиге* мн., словенск. *taliga, tolīga*) отражает изменение вокализма, подобное изменению в слове *коврига*. Болгарская форма *талига* отражает влияние венгерского языка (*taliga* 'тележка, арба'), куда слово попало из южнославянского источника.

Одинаковое акцентологическое оформление в связи с присоединением безударных окончаний женского склонения на *-а* получили как болгарские формы *шеврѣга, шеврѹга, шеврѣга*, так и небулгарская разновидность *севрѹга*, вошедшая в литературное употребление. Ср. также форму *севрѹк*, которую М. Фасмер приводит со ссылкой на В. И. Даля, однако в словаре последнего этой формы нет³⁶.

Так же были оформлены некоторые небулгарские тюркизмы: *отара* (акающий вариант *атара*), *панѣха* (известен также вариант *панѣх*).

Русское цветообозначение *карий* (о цвете глаз и масти лошадей) своей акцентовкой примакает к предыдущей группе существительных: к болгарской основе **кар* добавлено безударное окончание прилагательного, ударение постоянно сохраняется на основе. Это еще один аргумент против традиционной этимологии, выводящей русское *карий* из тюркского *кара* 'черный' и оставляющей без объяснения несходство семантики, происхождение мягкости *р* и акцентологические расхождения³⁷. Такое же ударение наблюдается и в других мастеобозначениях тюркского происхождения: ударение предшествует окончанию.

Прибавление славянских словообразовательных суффиксов к болгарским корням образовало слова *хозяин, болярин*³⁸, *болгарин* с постоянным ударением на конечном гласном болгарской производящей основы.

Оформленные русским словообразовательным суффиксом *-ка* поволжские диалектизмы *апѣйка* 'чувашка, татарка', *хѣрка* 'чувашская девка, девчонка' и упомянутое выше *тоярымка* 'чувашская плясая'³⁹ также характеризуются устойчивым ударением на основе, подобно русским словам с этим же суффиксом *-ка*, отличающимся большей активностью и всегда безударным. По образцу подобных слов было перенесено с окон-

³⁴ М. Mollova. Structure lexicale du dialecte turc du Rhodope de l'Est. — «Балканско езикознание», XV, 2. София, 1971, стр. 55. Ср.: «Вопросы филологии». К 70-летию А. Н. Стеценко. М., 1974, стр. 55—58.

³⁵ К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, стр. 137—145.

³⁶ И. Г. Добродомов. Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков (соответствие *s—š*). — «Советская тюркология», 1971, № 2, стр. 86.

³⁷ И. Г. Добродомов. Карий. — «Русский язык в школе», 1970, № 4, стр. 105. В попытке вывести русское мастеобозначение *карий* по-прежнему из тюркского *кара* 'черный' (см. Г. Ф. Одинцов. К истории русских гиппологических цветообозначений. — «История по словообразованию и лексикологии древнерусского языка». М., 1978, стр. 183—186) не преодолены ни фонетические, ни акцентологические, ни семантические трудности. Формы с твердым *р* типа *карий* связывать с тюркск. *кара* 'черный' можно, учитывая также возможность позднейшего отвердения *р*.

³⁸ О. Н. Трубачев. Заметки по старославянской этимологии, I. Боляринь. — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. IV. М., 1963, стр. 160—163.

³⁹ М. Räsänen. Der Wolga-bolgarische Einfluss., стр. 195, 199, 200.

чания на основу ударение в словах *ша́пка*⁴⁰ и *ха́пка* 'околичные ворота' (с таким ударением слово дано у М. Фасмера и М. Рясненя, у В. И. Даля — *хапкá* в соответствии с чувашским конечным ударением *хапхá*; здесь конечный слог сблизился с русским суффиксом).

Однако этот перенос ударения наблюдается далеко не всегда: *яшкá* 'чувашская похлебка' (<чув. *яшкá*).

Снабженное русским, преимущественно диалектным словообразовательным суффиксом слово *лошадь* прочно вошло в русскую акцентуационную парадигму слов типа *площадь* и не отличается ударением от соответствующих исконных слов⁴¹.

Акцентологическая судьба волжскобулгарского мусульманского термина, вошедшего в древнерусский язык в двух морфологических обликах *ропата́* и *ропать* 'иноверческий храм', зависела от отнесения заимствования к тому или иному морфологическому типу.

В восточнославянском булгаризме *чѣбот* (*чѣбот*) перенос ударения на начальный слог осуществился по морфологическим причинам: исходная булгарская форма **чабатá* (>др.-русс. *чоботá*) была воспринята как обычная форма именительного падежа двойственного числа существительных мужского рода, а затем по образцу (модели) «*поводá* — *поводѣ*» была образована «нормальная» исходная форма (именительный падеж единственного числа): *чоботá* — *чоботѣ*.

В претерпевшем аналогичные изменения слове *чулок* (из болгарского **чулка* > чувашск. *чылха*) при образовании беглого гласного (по аналогии) сохранилось постоянное ударение на окончании, благодаря чему у булгаризма *чулок* возник акцентологический параллелизм с исконным *носók*, хотя последнее слово, по-видимому, и появилось позже первого: оно не обнаружено И. С. Вахросом в памятниках письменности до начала XVIII века. И. С. Вахрос также отмечает для вятских говоров форму единственного числа *чѣбѣт* (множественное число *чѣбѣты*), совпадающую по ударению в исходной форме с *чулок* и образовавшуюся по той же акцентологической модели⁴².

Представляется весьма важным вывод В. В. Колесова о характере актуализации тюркских лексических заимствований и проникновений на -а в истории русского языка: «Все заимствования из тюркского (!) на -а были осознаны в русском языке как имена женского рода

⁴⁰ И. Г. Добродомов. Из болгарского вклада в славянских языках, III. — «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 103—110.

⁴¹ В силу совпадения анлаутов в русском *лошадь* и чувашском *лаша* (в противоположность форме *алаша* других тюркских языков, где имеется это слово) русское слово можно было бы считать булгаризмом, но отпадение начального гласного *а-, о-* могло произойти и на русской почве (см. об этом: В. К. Чичагов. О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова *ружьѣ*. — «Ученые записки Московского государственного университета», вып. 150. Русский язык, 1952, стр. 283—310). В последнем случае предположение о болгарском источнике оказывается излишним. К тому же чувашское *лаша* из-за -ш- должно рассматриваться как заимствование из того же источника, что и основа русского слова *лошадь*, о котором см.: Г. Ф. Одинцов. Из истории русской гиппологической терминологии (К этимологии слова *лошадь* в русском языке). — «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», № 353. М., 1970, стр. 434—468. Ср.: Б. А. Серебрянников. Этимологические заметки. — «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 210—211; В. В. Колесов. История русского ударения, стр. 98—100.

⁴² И. Г. Добродомов. Два чѣбота — пара. — «Русский язык в школе», 1968, № 4, стр. 39. В связи с этим отпадает более сложное объяснение И. С. Вахроса, основанное на ряде допущений, и предположение о влиянии украинского языка на образование вятской формы *чѣбѣт*, хотя в украинском языке такое ударение встречается лишь в родительном падеже множественного числа (*чѣбѣт*). См.: И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке, I. Хельсинки, 1959, стр. 190.

и восприняты им с конечным ударением в единственном числе. Примеры из памятников показывают, что современное накоренное ударение ряда приведенных слов во множественном числе является вторичным: оно развилось так же поздно, как и накоренное ударение в собственно русских словах типа *женá* — им. мн. *жéны*⁴³. Было бы интересно выяснить причину древнейшего колебания ударения в двусложных заимствованиях из тюркских языков; некоторые примеры указывают на подвижность ударения этих заимствований в границах русского языка»⁴⁴ также в единственном числе. В частности В. В. Колесов весьма убедительно доказал, что наличие в памятнике начала XVII века формы винительного падежа *чу́гу* «определенно указывает на конечное ударение слова, бывшее для него исконным (из турец. *šoha* 'сукно'; рус. *чу́га* кафтан из сукна)», и что форма *чу́га*, отмеченная в современных южновеликорусских говорах, вторична. В связи с этим предположение Г. Дёрфера о пути движения в русский язык слова *чу́га* (это ударение он переносит также и на формы *чухá*, *чохá*, для которых словари дают лишь конечное ударение) с запада через польское посредство следует признать лишенным фактического основания, зато большую вероятность получает второе предположение Г. Дёрфера о движении этого слова в русский язык с востока (через тюркское посредство?), хотя сам автор считает его менее вероятным⁴⁵.

По всей видимости, таким же образом объясняется перенос ударения на основу в поволжских русских словах *кóшна* 'чувашский бабий нарядный головной убор: род кожаного кокошника с подвесками и монетами' и *кáрда* (или *кáлда*) 'пригород, скотный двор в поле, варок, баз, базок, стойло, загородь для скота'; вят. 'огород в поле для овощей', по поводу которых делалась ссыла на чувашский источник (М. Ряснен). Впрочем, для последнего слова важно также учесть контаминации и внетюркские источники, на что указывают и мордовские по ауслауту слова *кáлдас*, *кáлдус* (эрзянск. *кардас*, но мокш. *карда*). Данное слово имеет очень широкое распространение, возможно, такой его ареал образовался в результате сближения разных слов из гетерогенных источников. Ср. комизырянск. *карта* 'хлев'⁴⁶.

Вопрос об ударении в чувашизме *хота* каз. смб. 'сватовство, сватанье невесты', протимологизованном уже В. И. Далем, однако без обозначения ударения (7-е изд. М., 1955), остается пока открытым. Неясно, из какого источника взято указание на ударение *хóта* в «Этимологическом словаре русского языка» М. Р. Фасмера. Во всяком случае, чувашский этимон *хáта* 'сват' оснований для такого ударения не дает. Без ударения это слово оставлено и у М. Рясненна в его списке булгаризмов русского языка.

Ударение в старом общеславянском заимствовании *хорúгвь*, *корóгва* (смол., тверск.) целиком соответствует особенностям акцентуации слов подобного рода, хотя ударение в склонении слов данного типа, по замечанию В. В. Колесова⁴⁷, остается неясным. Акцентологический фактор скорее говорит в пользу тюркско-булгарского посредства в заимствовании

⁴³ Иначе у Н. К. Дмитриева («Ударение в русских словах...», стр. 97). — Примечание В. В. Колесова.

⁴⁴ В. В. Колесов. Ударение заимствованных слов в русских памятниках XVI—XVII вв., стр. 35.

⁴⁵ G. Doerfer. Указ. раб., стр. 110—114.

⁴⁶ В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, стр. 117—118.

⁴⁷ В. В. Колесов. История русского ударения, стр. 101.

нии слова славянами, чем предполагаемая иногда прямая связь с монгольским источником (аварский язык старых аваров — *обров*)⁴⁸.

Итак, анализ ударения в болгаризмах русского языка и сопоставление его с ударением в болгаризмах других славянских языков позволяет еще раз подтвердить зависимость ударения заимствованного слова от языка-источника, что иногда ставится под сомнение⁴⁹. Это первоначально усвоенное ударение может измениться под влиянием другого источника заимствования или в силу разного рода аналогичных воздействий на заимствованное слово в ходе его освоения заимствующим языком. Изменение ударения под влиянием других слов языка как бы сигнализирует о начале освоения этого слова, о его акцентологической адаптации.

Тщательное изучение акцентологических особенностей тюркизмов и их эволюции способствует не только уточнению источника заимствования и хронологии последнего, но и характеризует акцентологические особенности языка-источника, не нашедшие четкого отражения в памятниках письменности.

⁴⁸ К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве», стр. 157—166.

⁴⁹ А. В. Суперанская, например, в этой связи пишет: «О польском влиянии на ударение какого-либо слова или группы слов можно было бы говорить, если бы все люди, употребляющие эти слова, знали, с каким ударением последние произносятся по-польски, и считали бы польский язык источником заимствования данных слов и образцом для подражания. Этого, однако, нет» (А. В. Суперанская. Ударение в собственных именах в современном русском языке. М., 1966, стр. 13). В другой своей работе она все-таки допускает существование «ярко выраженной тенденции» сохранять ударение языка-источника («Ударение в заимствованных словах в современном русском языке». М., 1968, стр. 24—25), чем ослабляется категоричность приведенного выше ошибочного высказывания. Автор не учитывает возможностей параллельного заимствования из разных источников с неодинаковой акцентуацией. См.: В. С. Байкин. Причины колебания ударения в русском литературном языке. Чита, 1958, стр. 13.